

ФЕЛЬЕТОНЪ.

«Въ оврагъ».

Повесть Антона Чехова.
(Жизнь, № 1, 1900 г.).

Быстрое развитие капитализма случать въ наше время одичать нашъ будущий писателей общественной жизни и является темой оживленных споровъ и прений какъ въ обществѣ, такъ и въ журналистствѣ. Наши беллетристики пока сравнительно мало отходили нѣста описанію этой новой силы и ее борьбы со старыми формами жизни. «Чужеземный» Салтыковъ, «Б. поэтъ» Гл. Успенскаго романы Маврина-Сабирова, въ которыхъ онъ даетъ исторію капитализма въ Зауральѣ и въ Уралѣ съ его сложными и невнятыми отношеніями, съ его бѣшеной борьбой за существованіе и выживаніе во истъ сферы человеческой жизни — на семью, нравы и понятія, вотъ, пожалуй, все то, что касалось капитализма въ нашей беллетристикѣ. За послѣднее время извѣстіе капитализма стало уславиваться и не могло не только уславиваться отъ извѣстныхъ писателей, но можно сказать, насильно заставляло говорить о себѣ. Обратилъ на него вниманіе и А. Чеховъ въ своей повѣсти «Въ оврагъ».

Этотъ типичный представитель эпохи унынія, художникъ, воображающій сумеречное существованіе и сѣрыхъ людей, жизнь которыхъ представляется что-то бесцвѣтное и унылое, какое-то безпомощное томленіе и скуку, тупичикъ, произведеніе котораго, большей частью, приводитъ къ какому-то унылому, безнадежному на-

строенію, точно дѣйствительные идеалы исчерпаны и осталось только воспоминаніе о нихъ, въ названной повѣсти, рассказывая исторію разбогатѣвшей прѣстѣпной семьи, производитъ иное впечатлѣніе: остается прежний pessimизмъ, онъ въ тоже время отдаетъ дань и идеаламъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вотъ какъ беззастѣночно прѣстѣпныя нравы расцвѣтаютъ г. Чехомъ уголомъ, въ которомъ совершается дѣйствіе его повѣсти:

Село Улиссено лежало въ оврагѣ, такъ что съ шоссе и со станціи желѣзной дороги видны были только колокольня и трубы ситцевобинныхъ фабрикъ. Когда прохочіе спрашивали: какое это село, то имъ говорили:

— Это то самое, гдѣ дѣлать на похороны всю миру сѣзъ.

Банъ то не позволялъ у фабриканта Костикова старому дѣловому уму дѣлать среди закусокъ зернистую язву и стѣлать тотъ же съ жадностью, его томилась дѣлать за рукамъ, но онъ словно околѣлъ отъ наслажденія: ничего не чувствовалъ и только елъ. Сѣзъ всю миру, а въ банѣ было фунта четыре. И прошло ужъ много времени съ тѣхъ поръ, дѣлать даво уперъ, и про миру все пошамало. Банъ да банъ такъ бѣда адѣсь, что люди не утѣли поднимать ничего, промѣ этого неважнаго событія, происшедшаго десять лѣтъ назадъ, а только про село Улиссено ничего другаго не рассказывали.

Въ немъ не переводилась ляхорада и была толстая грязь даже аттотъ особенно подъ заборамъ, видъ котораго глябалась старымъ вербамъ, давали шаривую тѣнь. Здѣсь всегда пахло фабричными отбросами и уксусной кислотой, которую употребляли при выдѣлѣ ситцевъ. Фабрики—

три ситцевыхъ и одна пожевенная—находились не въ самомъ селѣ, а на краю и поодаль. Это была небольшая фабрика, и на всѣхъ ихъ было всего около четырехсотъ рабочихъ, не больше. Отъ пожевенной фабрики вода въ рѣчкѣ часто становилась вонючей, отбросы зарывали лугъ, прѣстѣпный свѣтъ страдалъ отъ сибирской язвы, и фабрику призвано было закрыть. Она считалась закрытой, но работала тайно съ вѣдома становаго пристава и уйдного врача, который владѣлецъ платилъ по десяти рублемъ въ мѣсяцъ. Во всемъ селѣ было только два порядочныхъ дома, каменныхъ, крытыхъ желѣзомъ; въ одномъ помѣщалась волостная управленіе, въ другомъ двухэтажномъ, банъ рѣзъ прѣзъ перемъ банъ Цыбу банъ, Григорій Петровъ, ситцевый ищиванъ.

Григорій держалъ банелейную лавку, но лишь для вида на самомъ же дѣлѣ торговалъ водкой, скотомъ, пошамъ, хлѣбомъ и въ верѣ и т. подъ, торговля вся была основана на грубомъ и безчеловѣчномъ надувательствѣ: покупавшіе онъ сбывали протухающаго солонину съ таиннымъ тяжкимъ запахомъ, что трудно было стоять около банъ, отъ ѣдкихъ приправъ въ заманѣ пошамъ, шапки, женны наетки и за это давали отвратительной подаой, отравленной всякой дрянью. Но этотъ мошенникъ и проволочка въ семь лѣтъ сѣлся богатымъ и любившимъ человѣкомъ.

Въ домѣ у него жилось легко и весело. У него было два сына. Старшій, Анисимъ, служилъ въ полиціи, въ смысломъ отдѣленіи и рѣдко бывалъ дома. Отецъ не препятствовавъ ему въ этой лавкѣ вучеческому дѣлу, а даже банъ будто гордился его пошурещемъ.

— Вотъ, говорить онъ, — не захо-
тилъ дома жить, пошелъ по ученой
писти. Чтешь, пущай! Кто въ чему
приставленъ.

Младшій сынъ Григорій, Степанъ,
помогалъ отцу, но онъ былъ раукъ и
слабъ здоровьемъ и за него все дѣ-
лала его жена, Анисья, красивая и
вдородная женщина, которой старикъ
не могъ нарадоваться.

— Ай да, невестушка? Ай да, ари-
саваца, матушка!.. восхищался онъ
глядя, какъ она тосмалась по двору
въ хозяйственныхъ хлопотахъ. Григо-
рій былъ вдовъ, но послѣ свадьбы
сына вновь женился.

Второй его жены щедрой душой раз-
давала милостыню и Григорій не толь-
ко не противился, но даже почти по-
тиралъ ее въ эту. Эта милостивая
олагодворительность какъ бы уранио-
вѣщивала ихъ грабеть.

«Когда грѣхъ, назалось, сдѣлалъ-
шись уже туманомъ, стоялъ въ ван-
духъ, тогда становилось какъ бы лег-
че при мысли, что такъ, въ домѣ
есть тихая опрятная женщина, кото-
рой нѣтъ дѣла на до солончанъ, на
до подна: милостыня онъ дѣйствовала
въ эти тѣлостные туманные дни,
какъ предохранительный вѣлпанъ въ
машину».

Такъ протекла бессмысленная
жизнь этой семьи мелкихъ хан-
явонъ.

Но вдругъ случилось себѣтѣ, по-
слѣ котораго жизнь семьи оказалась
мыбтой въ...

Прѣтнанъ... погодовольная жизнь
онъ окрѣпалась преступленіемъ стар-
шаго сына—сытина, который, какъ
оказалось, занимался выдѣлкой и
сбытомъ фальшивыхъ монетъ. Сыщи-
на судили и приговаривали въ арѣшенію
правъ и всего состоянію, какъ вы-

разлиса одинъ мушкетъ въ расказѣ,
а въ наторжины работы.

Послѣ этого семья распалась: ста-
рикъ пошелъ въ жизнь въ милости
у Анисьи, старшей невестки, а
младшая невестка Дина, жена Апи-
сина, взятая въ бѣдной... анъ, воз-
вратилась въ своей матери, въ той
женѣ, которую жила до замужества.
Въ этомъ заключается фибла повѣ-
сти А. Чехова.

Какъ видитъ читатель, она не сло-
на, но написана такъ талантливо, что
ее безъ преувеличенія можно назвать
однимъ изъ лучшихъ его произведе-
ній.

Въ повѣсти, такъ сказать, изобра-
жаются два образа жизни одной и
той же семьи.

Одни изъ членовъ онъ хищники, ко-
торые легки ображались съ Богомъ и
совѣстью, другіе выжили... трудово-
го класса, но а въ правильной об-
становкѣ, сохранили и Бога и
совѣсть. Яркимъ представителемъ
первыхъ является Анисимъ. Вотъ въ
первыхъ словахъ характеризуетъ его
шроковзрѣніе авторъ:

— Богъ можетъ, а есть, а толь-
ко въры нѣтъ,—сказалъ Анисимъ.—
Когда меня вѣчали, нѣтъ было не по
себѣ. Какъ вотъ возмешь нѣтъ подъ
пурацы айдо, а въ нѣтъ дисциплинѣ
нѣщать, такъ но нѣтъ совѣсть вдругъ
вспынула, а, пока меня вѣчала, я
все думалъ: есть Богъ! а нѣтъ вы-
шелъ нѣтъ церкви—и ничего. Да и
откуда нѣтъ знать, есть Богъ или
нѣтъ? Насъ съ малолѣтства не тому
учили, и младенецъ еще мать сосетъ,
а его только одному и учить: кто въ
чему приставленъ. Папаша вѣдъ то-
же въ Бога не вѣруетъ. Бы какъ-то
разъ говорили, что у Гангарева барановъ
утнали... Я нашелъ: это шавелонскій

мужик, урвать; онъ урвалъ, и шкур-
ки то у... Вотъ вамъ и вѣра!

Анись... поднагнувъ глазокъ и по-
началъ головой.

— И старшина тоже не вѣрять въ
Бога, продолжалъ онъ, — а писарь то-
же, и дьячокъ тоже. А ежели они
ходятъ въ церковь и посты соблю-
даютъ, такъ это для того, чтобы лю-
ди про нихъ худо не говорили, и на
тотъ случай, что пометь а въ сѣномъ
дѣлѣ страшный судъ будетъ. Теперь
такъ говорить, будто конецъ свѣта
привелъ оттого, что народъ осла-
бѣлъ, родителей не почитаютъ и про-
чее. Это пустяки. Я такъ, мамаша
понимаю, что все горе отъ того, что
совѣсти нѣтъ въ людяхъ... Я вижу
маслово, мамаша, и понимаю. Ежели
у человека рубаха краденая, а вижу.
Человекъ сидитъ въ трактирѣ, а тамъ
такъ нажмется, будто онъ чай пьетъ
и больше ничего, а я, чай-то чаю,
вижу еще, что въ немъ совѣсти
нѣтъ. Тамъ цѣлый день ходишь — и ни
одного человека съ совѣстью. И все
причина, потому что не знаютъ, есть
Богъ или нѣтъ.

Но жена его Дана ни мигъ, ты не
сомнивается въ томъ, что Богъ есть.

То довольно, въ которое она по-
паде въ домъ мужа, не тѣшить ея, а
напротивъ: «Богато живутъ, только
страшно у нихъ», говоритъ она про
свою свекра. Въ Дани и ея матери
жала твердая пезыблемая вѣра.

Никъ казалось, что это то спо-
трить съ высотъ неба, въ сивены,
оттуда, гдѣ вѣжды, видать все, это
рожать. И какъ ни велико зло... все
же въ Божьей вѣрѣ правда есть и
будетъ... и все на землѣ только ждеть,
чтобы слѣться съ правдой...

Дана остается вротной и бодрой,
не смотря ни на ссылку мужа, на на

ужасную смерть любимого ребенка,
которого со слезами обмывали и пла-
чонъ Анисьи —, ничто не озаблаетъ
ея. Сидѣвшая опять подвѣшавшей,
возвращаясь съ тяжелой работы она
поетъ и глядя вверхъ на небо, точ-
но торжествуя и восклицая, что день,
слава Богу, кончился и можно отдох-
нуть.

Этотъ огонекъ идеализма, согрѣ-
вующій души Даны и другихъ лицъ,
выводимыхъ въ повѣсти, и от-
личаетъ новую повѣсть г. Чехова отъ
большинства прежнихъ его произведе-
ній.

Разсказъ оканчивается тѣмъ, что
старикъ Григорій, котораго Анисья
прогнала отъ себя, поджидаетъ Дану,
чтобы она подѣлилась съ нимъ сво-
имъ жизненнымъ опытомъ.

Эта сцена своимъ мрачнымъ и
смертнымъ тономъ достойно завер-
шаетъ разсказъ.

Но въ общемъ повѣсть заводитъ на
грустные размышленія. Невольно ро-
ждается вопросъ, неужели же безгра-
жданъ всегда будутъ на сторонѣ лю-
дей безъ стыда и совѣсти, все цѣль
жизни которыхъ заключается въ на-
живаніи?

И неужели люди съ чуждымъ серд-
цемъ, съ жадной охотой должны
вѣчно оставаться рабами и пасаданъ,
безъ надежды на что-либо лучшее,
находя удовольствіе лишь въ томъ,
что они не даютъ ни, что, и, не видя
возможности принять что либо, по-
нимая пассивнаго терпѣнія?

К.